

В Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б)

- т. ШКИРЯТОВУ М.Ф.

На работу в аппарат ЦК Союза ССР я перешел в октябре 1929г. Уже 1930г. я присутствовал на совещании треугольника, где был поставлен вопрос о нездоровом положении в библиотеке и о наличии в составе ее работников чуждых элементов. В результате совещания были приняты ряд новых работников и произведены увольнения некоторых - Вебер (сын и компаньон отца заводчика), Шаропова (дворянского происхождения) и др.

После назначения зав. библиотекой члена партии т. Соколовой Е.Д. 19. II - 31г. удалось уволить б. фактического руководителя библиотеки Презент М.Я.

Начиная с 1930г. (при штате библиотеки 15-20 единиц) до 35 года в библиотеке было уволено 33 человека, из них в порядке прямой чистки - 10 чел. (Вебер, Шаропова, Презент, Барут, Муханова, Бердичевская, Журавлева, Бергер, Пелипейко, Жашкова).

При назначении т. Соколовой Е.Д. я ознакомил ее с положением в библиотеке и поставленными задачами: а) решительно освежить личный состав библиотеки, заменив чуждых элементов товарищами партийными и политически надежными; б) обратить особое внимание на имевшуюся комсомольскую прослойку (чл. партии в библиотеке не было) в части политического руководства ими и освоения ими библиотечной техники.

На этих основных задачах и в последующие годы мною неоднократно заострялось внимание т. Соколовой, в частности при всякой неудачной новой кандидатуре предлагаемого работника.

Помимо вопросов личного состава библиотеки мною обращалось внимание т. Соколовой и на необходимость проведения ряда организационных мероприятий, направленных: как к общему сохранению фондов библиотеки и улучшения техники работы, так и в особенности обеспечения конспирации, недопущения возможности использования работы библиотеки враждебным нам силам, в частности в операциях книгообмена иностранными библиотеками и организациями.

Не перечисляя полностью всех мероприятий, приведу наиболее

важные:

а) иностранный книгообмен вести в теснейшем согласовании с НКВД и др. органами, а по возможности и через них, сохраняя, может быть, только наименование библиотеки - как отправителя;

б) сосредоточить все секретные фонды на третьем этаже библиотеки, куда установлен особый порядок пропуска (специальный вход с этажа и с пропуском через дежурного командира лиц по списку), сохранив право пропуска только за зав. библиотекой;

в) иностранную буржуазную печать не раскладывать по столам и сокращать круг лиц, имеющих право пользоваться ею;

г) запретить сотрудникам библиотеки вечернюю работу в отсутствие заведующей библиотекой и допуск в помещение библиотеки сотрудников вне общие часы работ, кроме персонально оставляемых дежурных;

д) не допускать к дежурствам сотрудников библиотеки вызывающих сомнения и т.п.

О первом заявлении т. Бурковой я узнал, возвратившись из отпуска в 1933г. от т. Сотскова, который мне сообщил, что он получил заявление Бурковой о положении библиотеке и о том "букете работников", который там подобрался и что это заявление он направил в ОГПУ, так как по нему необходима агентурная разработка.

Кому персонально он передал заявление - я не помню, сказал ли он мне или нет это - тоже не помню.

Кстати скажу, что повседневную связь с органами ГПУ по аппарату осуществлял т. Сотсков до последнего времени.

Отдельные сведения, изложенные в заявлении т. Бурковой, стали известны и в аппарате и в местных органах профорганизации.

Указания на связь Пелипейко с консульством стала известна в начале мая 1933г. По моему распоряжению заведующим секретной частью от Пелипейко было взято письменное об"яснение по этому вопросу и данные ею об"яснения 15.У-33г. т. Сотсковым были направлены в ОГПУ т. Паукеру с просьбой дополнительно проверить для решения вопроса о ее работе в аппарате ЦК Союза ССР (копия отношения прилагается).
№1.

Летом 1933г. или вначале осени, зайдя в кабинет т. Сотскова, я застал у него одного товарища, который упрекал т. Сотскова в неприятии мер по заявлению т. Бурковой.

т. Сотсков ответил ему, как члену партии, что поскольку в заявлении сообщаются факты, требующие агентурной проверки, оно направлено по принадлежности в соответствующие органы и от дальнейших объяснений с ним отказался, порекомендовав вести дальнейшие разговоры по этому вопросу со мной.

Познакомившись, я узнал, что это т. Цыбульский, работник аппарата ЦК ВКП(б).

т. Цыбульскому я сообщил, что т. Сотсков говорил мне об этом заявлении, так же как и о том, что он направил его для проверки в ОГПУ.

Когда я установил в беседе с т. Цыбульским, что он в данном случае пользуется и имеет сведения только от Бурковой, я заявил ему что значительно лучше иметь дело с первоисточником и просил его передать Бурковой, чтобы она со всем имеющимся материалом зашла ко мне, после чего я приму необходимые меры.

На заявление т. Цыбульского, что на Буркову уже начинается "гонение" со стороны т. Соколовой ("загоняют на худшую, тяжелую работу" "наблюдаются резкие отношения к ней"), я заверил его, что приму все меры не допустить репрессий.

Вскоре после этого т. Буркова была у меня. Сначала передала устно содержание заявления, мы поговорили с ней по существу сообщаемых ей сведений, а на следующий день она принесла мне копию заявления.

Отметив для себя основные моменты заявления я передал его т. Сотскову с просьбой вновь направить в ОГПУ и ускорить проверку.

Сейчас же мною была вызвана т. Соколова для намечения конкретных мероприятий по бесспорным моментам заявления, в частности некоторой перестановки на работе (до окончания проверки) сотрудников, которые опираются на заявление. т. Соколова в этой беседе проявила крайнюю несдержанность в отношении Бурковой, называя ее "тушицей, склочницей" и пр. и требуя ее увольнения.

Стоило больших трудов отговорить ее от резкой, политически недопустимой постановки вопроса "или я - или Буркова".

Представленные по моим запросам докладные записки т. Соколовой о принятых ею мерах и о необходимых дальнейших мерах по оздоровлению библиотеки не были достаточно продуманы и серьезны, почему я с ними полностью согласиться не мог. Вопрос о необходимых мероприятиях ею не был поднят на должную, принципиальную и политическую высоту, а все объяснялось пустыми словами, "дрязгами", личными качествами отдельных работников библиотеки.

Сведения о Мухановой (дворянка и отец бежал с белогвардейцами) я решил дополнительно проверить, не ожидая результатов по всему заявлению для чего 1-го октября 1933г. анкету Мухановой направил в ОГПУ т. Паукеру с просьбой в возможно короткий срок дать Ваше определенное заключение о возможности работы ее в условиях Кремля". (копия прилагается^{№2}).

На чистке в конце 33 года (или т. Соколовой или т. Сотскова не помню, т.к. не присутствовал, проводя чистку в Институте Плеханова) т. Буркова выступила на собрании с указанием на недостаточную борьбу за очищение аппарата от чуждых элементов и как пример привела Муханову.

Узнав об этом на следующий день от сотрудников я и спросил у т. Соколовой - какие она сделала выводы из выступлений на чистке и что она может практически предложить в отношении библиотеки, которой касались выступления. Вновь последовали обвинения "в клевете", "склочничестве" и пр. отдельных сотрудников.

Мною было предложено, не дожидаясь проверки сообщенных сведений (выступление на чистке само уже является ответственным) уволить Муханову, что и было сделано 21 декабря 1933г.

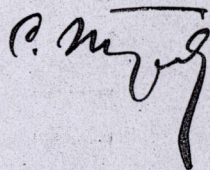
Несколько позже 25.11-34г. по тем же соображениям, не ожидая ответа, была уволена и Пелипейко.

В заключение, считаю необходимым сообщить, что прием сотрудников в аппарат ЦИК Союза ССР, в частности в Кремль, производился всегда с предварительной проверкой для беспартийных и с последующей для партийцев.

32
-5- 167

Согласие на прием не всегда удавалось получить в виде документа, только иногда нами получались письменные извещения, как например в отношении Раевской и Жашковой (копию прилагаю).

5-17-35г.

(С.Терихов)

отп. 3 экз.

вх. 4.1У-35г.